

**БРУШТЕЙН
АЛЕКСАНДРА ЯКОВЛЕВНА**

«ДОРОГА УХОДИТ В ДАЛЬ...»

Книга Александры Бруштейн «Дорога уходит в даль...» - это около семисот страниц текста. Чтение их требует напряженного внимания, тревожит душу, порой вызывает слезы или веселит.

Что же притягивает в этой книге, что волнует и вызывает чувство сопереживания ее героям?

Бруштейн вспоминает свое очень далекое детство. Было это в конце XIX века, в городе Вильно (теперь Вильнюс), в котором жили люди разных национальностей: русские, поляки, белорусы, евреи, литовцы. Основная масса – бедняки, нищие, задавленные нуждой.

Но все это еще предстоит узнать маленькой Сашеньке Яновской, героине книги.

Сашенька живет в добросердечной, интеллигентной семье. Рядом с ней – чуткая, добрая мама; бескомпромиссно честный отец; бывшая нянька Юзефа, ворчливая, горластая, но бесконечно преданная Яновским; добрейшие, такие узнаваемо – «шолом-алейхемовские» дедушка и бабушка, вырастившие семь сыновей – «брильянтов» и давшие всем высшее образование, а получить его еврею в России в XIX веке было почти невозможно; умница Поль – учитель французского языка Полина Пикар; Павел Григорьевич, ссыльный революционер, которого не побоялись взять в дом учителем родители Саши; военный врач Рогов, воспитавший внуков любимой, рано умершей женщины.

Главный человек в этом окружении – отец Яков Ефимович – хирург, врач от Бога, великий труженик. После работы в госпитале он в любой час дня и ночи шел на вызов к больному или бедному, неважно.

Сашенька с детства видела уважение отца к любому, пусть самому бедному и «незадачливому» человеку и училась этому.

Мудрый педагог, отец понимал, что Сашенька, единственный ребенок в семье, может вырасти эгоистичной и капризной барышней. И «для своей пуговицы», как он называл дочку, всегда находил время.

А Сашенька особенно ценила это внимание – ведь в течение дня на нее столько событий сваливалось, столько вопросов надо было задать папе:

«Обязательно ли все люди умирают или не обязательно? Почему зимой нет мух? Что такое громоотвод? Кто сильнее – лев или кит? Зачем людям «прививают оспу?»».

Папа на вопросы отвечал серьезно и подробно. Ему интересно было не только следить за ростом души ребенка, но и самому участвовать в этом.

Исключительно добрый и деликатный, доктор Яновский не останавливался, однако, перед необходимостью резкого «хирургического

вмешательства», если замечал в дочери признаки эгоизма, самодовольства, хвастовства.

Как-то летом на даче Саша собрала немного яблок в чужом саду и принесла домой.

«Я вбежала, с торжеством показала свои яблоки:

- Это я сама! Сама украла!

Папа встал из-за стола:

- Что такое? Ты украла?

Мой восторг перед собственным молодечеством сразу обмяк.

- Пойдем!

Папа стал спускаться по ступенькам. Я поплелась за ним. Мы подошли к шалашу садовника... У папы был очень злоеущий вид.

- Ну?... Говори!

- А что говорить? – прошептала я.

- Сама должна знать... Ну?

Я высыпала яблочки из подола:

- Вот. Это ваши... Я взяла..

Я посмотрела на папу; все? Папа отрицательно мотнул головой: нет, не все. Я поняла, чего он хочет, но – ах как это трудно сказать!

-Простите, пожалуйста... Я больше никогда...

Тут я заревела громко, во весь голос..., а [потом] я шла за папой, как трусит нашкодивший цуцик с виновато опущенным хвостом.

- Папа..., папочка...

Но он шел не оборачивался. Как глухой.

- Вот что, - сказал он, наконец, запомни, пожалуйста, на всю жизнь: ни одной чужой копейки, нитки чужой, куска чужого никогда не смей брать! А теперь – не ходи за мной. И не попадайся мне на глаза... ну хоть до вечера. Мне на тебя смотреть противно».

Возможно, кому-то это покажется максимализмом, перебором. А вырастет ли порядочный, честный, добрый человек из ребенка, если в детстве ему потакали, снижали планку требований и не тянули ввысь?

Самое важное то, что Сашенька признавала правоту отца и по-другому уже смотрела на многие вещи и события.

Вот в доме фабриканта Шабанова две его дочери отказываются есть. Доктор Яновский выясняет, что детей кормят каждые два часа и говорит их обеспокоенной матери: «Вы спрашиваете, что им еще нужно? Второй желудок».

Неугомонная мадам Шабанова организует обеды дочерей с детьми бедняков – для повышения аппетита. Правда, приглашенным беднякам дают еду попроще – картошку и селедку.

Посмотрим на сцену глазами Сашеньки:

«И хотя я расту в семье, где нет культа еды, меня к еде не принуждают... но вот этого... я... никогда не видала! Это – голод, застарелый, привычный голод, вряд ли когда-либо утоляемый досыта...

Мне... больше не хочется [есть]. Смутное чувство подавило мой голод. Я еще не умею ни назвать, ни понять, что это – стыд. Мне стыдно есть перед голодными...».

Забава, игра для богатых, для Сашеньки оборачивается другой, страшной стороной. Именно отца она будет потом тревожить серьезными вопросами о бедных и богатых, о всесильных и бесправных, о честности и несправедливости. Именно ему она будет благодарна за умение вглядываться в людей, жалеть и помогать им, искать товарищей и ценить их.

Сашенька мечтала стать героиней, укротительницей тигров. А папа, умный папа, предложил собравшимся у них дома родным и друзьям рассказать об известных им героях.

Мама Сашеньки рассказала о своем отце, военном враче, генерале, спасшем жизнь многим солдатам во время войны. Папа – о пожарном, который вынес троих людей из огня, едва выжил сам и лечился в госпитале. Павел Григорьевич – о друзьях, ссыльных революционерах, которые потребовали улучшить их тяжелейшее положение на каторге, и за что были повешены – не бунтуй против власти.

Смелость, бесстрашие человек не должен проявлять на потеху ротозеев, бросать свое мужество на ветер. Разговор об истинном героизме запал девочке в душу.

А француженка Поль убедительно говорила ей:

«Надо начинать с малого. Маленькое героизм – думаешь, это легко? Например, у тебя болят зубы или живот, или тебя ужалила оса или даже у тебя просто тесные ботинки, жмут... Можно захныкать и испортить всем настроение, а ты улыбайся! Думаешь, это пустяк? О-ля-ля! Попробуй!... Исполни свой долг – это самое трудное в жизни».

Очень важна была для Саши встреча с безруким художником, который рисовал, зажав уголок пальцами ноги. Он раскрыл ей свой девиз:

«Идешь – не падай, упал – встань, расшибся – не хнычь. Все – вперед! Все - в даль...».

Умные старшие друзья девочки старались дать посильную пищу ее стремлениям.

Конечно, разные люди окружали Сашу. В институте благородных девиц, где училась девочка семь лет, синявки (так называли классных дам за цвет форменного синего платья) пытались вылепить из девочек верноподданных, преданных монарху и церкви. Здесь запрещались собрания, «действия скопом». Здесь надо было лгать и изворачиваться, иначе подведешь себя и товарищей.

Книга Александры Бруштейн «Дорога уходит в даль...» полна историческими фактами, событиями. Например, полеты воздухоплателя Древницкого на воздушном шаре в XIX веке, когда еще было время пешеходов и пролетов.

Здесь же описание страшного голода в России; исключение бунтующих студентов из Петербургского университета и сдача их в солдаты.

Заложенные в детстве зерна добра, деятельной помощи, неуспокоенности прорастут позже в самой Александре Бруштейн: она закончит Бестужевские высшие женские курсы, семнадцать лет проработает в подпольной организации политического Красного креста. После революции 1917 года будет участвовать в организации школ грамотности и в работе «театральных команд» с выездами на фронт. Позже станет одним из создателей репертуара для детских театров и напишет шестьдесят пьес.

А трилогия «Дорога уходит в даль...» - это ее добрая память об ушедших, путешествие в страну Вчера.